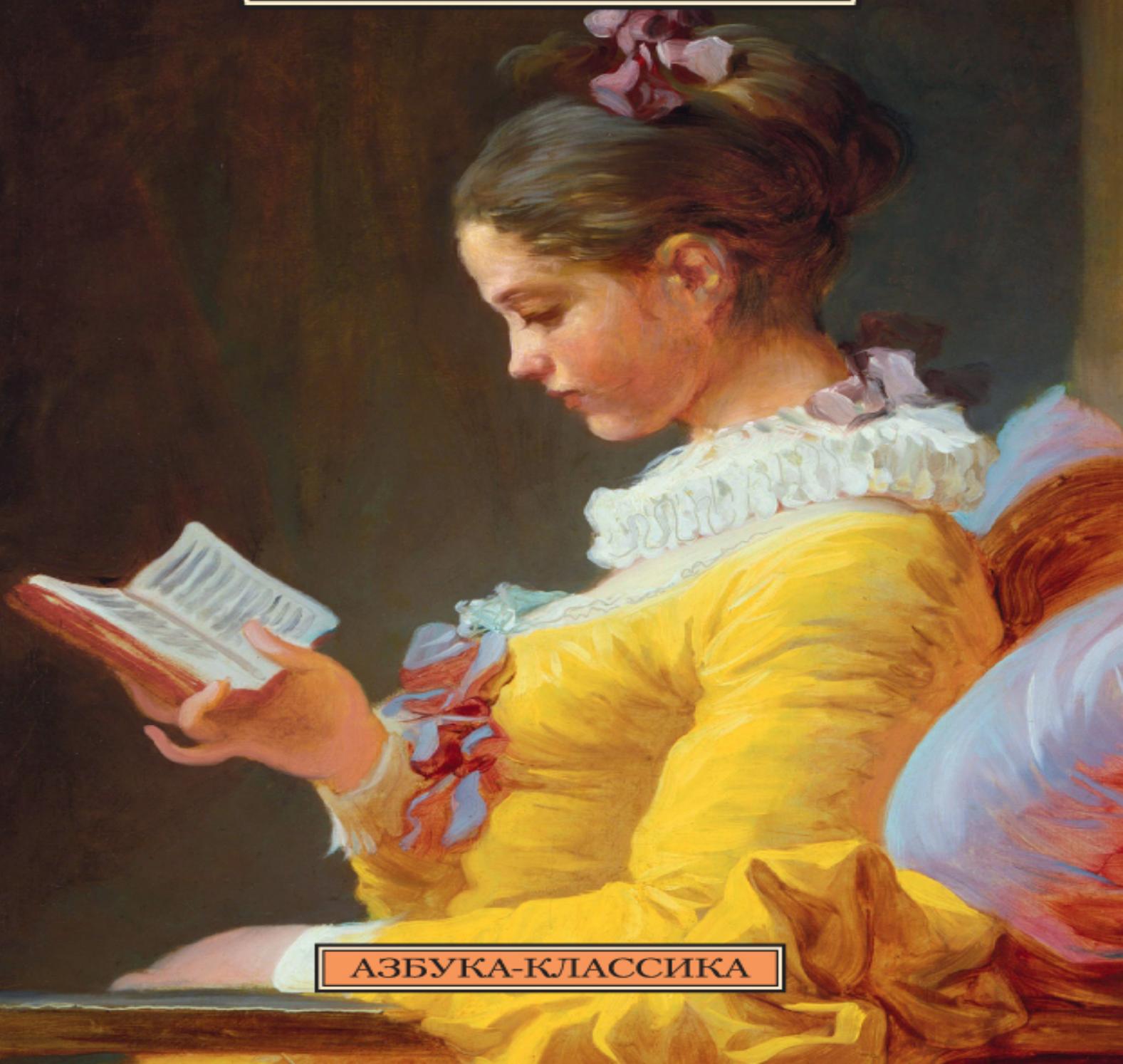

ГЮСТАВ
ФЛОБЕР

*Воспитание
чувств*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Оглавление

Часть первая

I
II
III
IV
V
VI

Часть вторая

I
II
III
IV
V
VI

Часть третья

I
II
III
IV
V
VI
VII

Gustave
FLAUBERT
1821-1880

Гюстав
ФЛОБЕР

***Воспитание
ЧУВСТВ***

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Перевод с французского Андрея Федорова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Флобер Г.

Воспитание чувств: роман / Гюстав Флобер ; пер. с фр. А. Федорова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-21468-2

16+

Одной из блистательных вершин французской прозы XIX века стал роман Гюстава Флобера «Воспитание чувств». Это, по словам автора, попытка «слить воедино две душевные склонности», два взгляда на вещи — реалистический и лирический. Восемнадцатилетний юноша-романтик отправляется из провинции в Париж изучать право. Подобно Эмме Бовари, Фредерик — мечтатель. В пути он влюбляется, еще не сознавая, что это чувство необратимо, оно изменит все его планы и намерения.

© А. В. Федоров (наследник), перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Около шести часов утра 15 сентября 1840 года пароход «Город Монтеро», выпуская густые клубы дыма, готовился отчалить от набережной Святого Бернара.

Спешили запыхавшиеся люди; бочки, канаты, бельевые корзины загораживали дорогу; матросы никому не отвечали; все толкались; в проходе около машин горой лежали тюки, и шум сливался с гудением пара; вырываясь через отверстия в обшивке труб, он заволакивал все белесоватой пеленой, а колокол на баке не переставая звонил.

Наконец судно отвалило, и берега, застроенные складами, верфями и мастерскими, медленно потянулись, развертываясь, точно две широкие ленты.

Молодой человек лет восемнадцати с длинными волосами неподвижно стоял около штурвала, держа под мышкой альбом. Сквозь мглу он всматривался в какие-то колокольни, в какие-то неизвестные здания; потом в последний раз обвел глазами остров Святого Людовика, Старый город, собор Богоматери и наконец глубоко вздохнул: Париж исчезал из глаз.

Господин Фредерик Моро, недавно получивший диплом бакалавра, возвращался в Ножан-на-Сене, где ему предстояло томиться целых два месяца, прежде чем он уедет «изучать право». Мать, снабдив сына необходимой суммой денег, отправила его в Гавр — навестить дядю, который, как она надеялась, мог оставить ему наследство; Фредерик приехал оттуда только накануне и, не имея возможности задержаться в столице, вознаграждал себя тем, что возвращался домой самым длинным путем.

Суматоха улеглась; все разошлись по своим местам; кое-кто стоя грелся у машины; а труба с медленным ритмическим хрипением выбрасывала дым, поднимавшийся черным султаном; на медных частях появились капельки и стекали по ним; палуба дрожала от легкого внутреннего сотрясения, и колеса, быстро вращаясь, разбрасывали брызги.

Река была окаймлена песчаными мелями. По пути встречались то плоты, которые начинали раскачиваться на волнах от парохода, то какая-нибудь лодка без парусов, а в ней — человек, удивший рыбу; вскоре зыбкая мгла рассеялась, показалось солнце, холм, возвышавшийся на правом берегу Сены, стал постепенно понижаться, а на противоположном берегу, еще ближе к реке, появился новый холм.

Он увенчан был деревьями, среди них мелькали приземистые домики с крышами в итальянском вкусе. Вокруг них — сады, спускающиеся по склону и отделенные друг от друга новенькими оградами, железные решетки, газоны, теплицы и вазы с геранью, симметрично расставленные на перилах, на которые можно было облокотиться. Не один путешественник, завидев эти нарядные приюты отдохновения, жалел, что не он их владелец, и рад был бы прожить здесь до конца своих дней с хорошим бильярдом, лодкой, подругой или каким-нибудь иным предметом мечтаний. Удовольствие, которое испытывали впервые совершавшие путешествие по воде, способствовало сердечным излияниям. Весельчаки начинали шутить. Раздавались песни. Было весело. Кое-кто уже приложился к рюмке.

Фредерик думал о комнате, в которой ему предстояло жить, о плане драмы, о сюжетах для картин, о будущих любовных увлечениях. Он находил, что счастье, которого заслуживало совершенство его души, медлит. Он декламировал про себя меланхолические стихи; нетерпеливо расхаживал по палубе; дошел до конца ее,

где висел колокол, и здесь, среди пассажиров и матросов, увидел господина, который развлекал комплиментами какую-то крестьянку и при этом вертел золотой крестик, висевший у нее на груди. Мужчина был весельчак, курчавый, лет сорока. Коренастую фигуру его плотно облежала черная бархатная куртка, на манжетах батистовой сорочки сверкали две изумрудные запонки, а из-под широких белых панталон видны были какие-то необыкновенные сапоги из красного сафьяна с синими узорами.

Его не смутило присутствие Фредерика. Он несколько раз к нему оборачивался и подмигивал, словно хотел с ним заговорить; потом угостил сигарами всех стоявших вокруг. Но, соскучившись, видимо, в этой компании, вскоре отошел. Фредерик последовал за ним.

Вначале разговор касался различных сортов табака, потом самым естественным образом перешел на женщин. Господин в красных сапогах дал молодому человеку несколько советов; он развивал теории, рассказывал анекдоты, ссылаясь на собственный опыт и вел свой развращающий рассказ отеческим, забавно простодушным тоном.

Он называл себя республиканцем; он много путешествовал, был знаком с закулисной жизнью театров, ресторанов, газет и со всеми артистическими знаменитостями, которых фамильярно называл по имени; Фредерик вскоре поделился с ним своими планами; он их одобрил.

Но, внезапно прервав разговор, взглянул на трубу парохода, потом, быстро бормоча, стал производить длинные вычисления, чтобы узнать, «сколько получится, если поршень сделает в минуту столько-то ходов», и т. д. А когда цифра была определена, начал восхищаться пейзажем. По его словам, он был счастлив, что теперь отдыхает от всяких дел.

Фредерик чувствовал некоторое почтение к нему и не

устоял против желания узнать, как его зовут. Незнакомец ответил, не переводя дыхания:

— Жак Арну, владелец «Художественной промышленности» на бульваре Монмартр.

Слуга в фуражке с золотым галуном подошел к нему и сказал:

— Не пройдет ли вниз, сударь? Барышня плачет.

Он исчез.

В «Художественной промышленности», предприятии смешанном, объединялись газета, посвященная живописи, и лавка, где торговали картинами. Это название Фредерику неоднократно приходилось читать в родном городе, на огромных объявлениях, у книготорговца, где имя Жака Арну занимало видное место.

Солнце стояло над самой головой, в его лучах сверкали железные скрепы мачт, металлическая обшивка судна и поверхность воды; от носа парохода расходились две борозды, тянувшиеся до самых лугов. При каждом повороте реки взгляд вновь встречал все те же ряды серебристых тополей. Берега были совсем безлюдны. В небе застыли белые облачка, и скука, смутно разлитая повсюду, казалось, замедляла движение парохода и придавала путешественникам еще более невзрачный вид.

За исключением нескольких буржуа, ехавших в первом классе, все это были рабочие и лавочники с женами и детьми. В ту пору принято было похуже одеваться в дорогу, поэтому почти все были в каких-то старых шапках или вылинявших шляпах, в обтрепанных черных фраках, истершихся за канцелярскими столами, или же в сюртуках, так долго служивших их владельцам за прилавком магазина, что продралась вся материя на пуговицах; кое у кого под жилетом с отворотами виднелась коленкоровая рубашка, забрызганная кофе; галстуки, превратившиеся в тряпку, были заколоты

булавками из накладного золота; матерчатые туфли придерживались штрипками. Какие-то подозрительные личности, с бамбуковыми тростями на кожаных петлях, косились по сторонам, а отцы семейств таращили глаза и приставали ко всем с вопросами. Одни разговаривали стоя, другие — присев на свои пожитки; некоторые спали, забившись в угол; кое-кто занялся едой. На палубе валялись ореховая скорлупа, окурки сигар, кожура от груш, обрезки колбасы, принесенной в бумаге; три столяра, одетых в блузы, не отходили от буфетной стойки; арфист в лохмотьях отдыхал, облокотившись на свой инструмент; по временам слышно было, как в топку бросают уголь, раздавались возгласы, смех; а капитан все время шагал по мостику от одного кожуха к другому. Чтобы пройти к своему месту, Фредерик толкнул дверцу в первый класс, потревожив двух охотников с собаками.

И словно видение предстало ему.

Она сидела посередине скамейки одна; по крайней мере, он больше никого не заметил, ослепленный сиянием ее глаз. Как раз когда он проходил, она подняла голову; он невольно склонился и только потом, когда сам занял место, немного подальше, с той же стороны, что и она, стал смотреть на нее.

На ней была соломенная шляпа с широкими полями и розовыми лентами, развевавшимися по ветру за ее спиной. Гладко причесанные черные волосы, собранные очень низко, спускались на щеки, касаясь кончиков длинных бровей, и, словно ласковыми ладонями, сжимали ее овальное лицо. Платье из светлой кисеи с мушками ложилось многочисленными складками. Она что-то вышивала; ее прямой нос, ее подбородок, вся ее фигура вырисовывались на фоне голубого неба.

Она продолжала сидеть все в той же позе, а он несколько раз прошелся взад и вперед, стараясь казаться равнодушным, потом остановился возле ее

зонтика, прислоненного к скамейке, и притворился, будто следит за лодкой на реке.

Никогда не видел он такой восхитительной смуглой кожи, такого чарующего стана, таких тонких пальцев, просвечивающих на солнце. На ее рабочую корзинку он глядел с изумлением, словно на что-то необыкновенное. Как ее зовут, откуда она, что у нее в прошлом? Ему хотелось увидеть обстановку ее комнаты, все платья, которые она когда-либо надевала, людей, с которыми она знакома; и даже стремление обладать ею исчезало перед желанием более глубоким, перед мучительным любопытством, которому не было предела.

Подошла негритянка с косынкой на голове, ведя за руку девочку, довольно большую. Ребенок только что проснулся и был весь в слезах. Она посадила девочку к себе на колени: «Девушка плохо себя ведет, а ведь ей скоро уже семь лет; мама ее разлюбит; слишком часто прощаются ей капризы». И Фредерик радостно слушал, точно все это было для него откровением.

Уж не андалузка ли она родом или креолка? И не с островов ли вывезла она эту негритянку?

За ее спиной, на медной обшивке борта, лежала длинная шаль с лиловыми полосами. Не раз, наверное, на море, в сырые вечера, она куталась в эту шаль, укрывала ею ноги, спала в ней! Но бахрома перетягивала шаль вниз, она постепенно скользила — вот-вот упадет в реку. Фредерик бросился и подхватил ее. Дама сказала:

— Благодарю вас, сударь.

Глаза их встретились.

— Жена, ты готова? — крикнул г-н Арну, появляясь на лестнице.

Мадемуазель Марта побежала к нему, повисла у него на шее и стала дергать за усы. Раздались звуки арфы, девочке захотелось «посмотреть на музыку», и вскоре негритянка, посланная за арфистом, привела его в

первый класс. Арну узнал в нем бывшего натурщика; к удивлению присутствующих, он стал говорить ему «ты». Но вот арфист откинул свои длинные волосы, вытянул руки и начал играть.

То был восточный романс, где речь шла о кинжалах, цветах и звездах. Человек в лохмотьях пел обо всем этом пронзительным голосом; стук машины врывался в мелодию, нарушая такт; арфист сильнее ударял по струнам; они дрожали, и, казалось, в их металлических звуках слышны были рыдания и жалобы гордой, но побежденной любви. Леса, тянувшиеся по обоим берегам, спускались к самой воде; проносился свежий ветерок; г-жа Арну с рассеянным видом глядела вдаль. Когда музыка умолкла, она несколько раз сомкнула и разомкнула веки, словно пробуждаясь от сна.

Арфист смиренно приблизился к ним. Пока Арну искал мелочь, Фредерик протянул руку и, стыдливо разжав ее над фуражкой музыканта, положил туда луидор. Не тщеславие побудило его подать эту милостыню на глазах у нее, а порыв души, почти благоговейный, к которому он мысленно приобщил и ее.

Арну, пропуская его вперед себя, стал дружески уговаривать его пройти вниз. Фредерик уверял, что сейчас только позавтракал; на самом деле он умирал от голода, а в кошельке у него не было уже ни сантимата.

Но тут же он решил, что имеет право, как и всякий другой, находиться в каюте.

Несколько буржуа, сидя за круглыми столами, уже ели; между ними сновал официант; супруги Арну расположились в глубине направо; Фредерик сел на длинный бархатный диванчик, убрав газету, лежавшую там.

В Монтеро им предстояло пересечь в шалонский дилижанс. Их путешествие по Швейцарии рассчитано на месяц. Г-жа Арну упрекнула мужа в том, что он слишком балует ребенка. Он что-то шепнул ей на ухо,

должно быть какую-нибудь любезность, потому что она улыбнулась. Потом он встал и задернул занавески на окне за ее спиной.

Низкий белый потолок резко отражал свет. Фредерик, сидевший против нее, различал тень от ее ресниц. Она прикасалась губами к стакану, отламывала кусочки хлеба; медальон из бирюзы на золотом браслете в виде цепочки время от времени позвякивал, ударяясь о тарелку. А те, что были кругом, как будто и не замечали ее.

Иногда в иллюминатор можно было увидеть борт лодки, причаливавшей к пароходу, чтобы принять или высадить пассажиров. Люди, сидевшие за столами, наклонялись к окошку и называли местность.

Арну выражал недовольство поваром, а когда подали счет, возмутился и потребовал, чтобы сбавили цену. Затем он повел молодого человека на бак — выпить грогу, но Фредерик скоро вернулся под тент, куда снова пришла г-жа Арну. Она читала тоненькую книжку в серой обложке. Уголки ее рта временами приподнимались, и словно луч удовольствия озарял ее лицо. Он позавидовал тому, кто сочинил все эти вещи, видимо занимавшие ее. Чем больше он любовался ею, тем сильнее чувствовал, как между нею и им возникает пропасть. Он думал о том, что вот сейчас надо будет расстаться с ней навсегда, не дождавшись от нее ни единого слова, не оставив у нее даже воспоминания!

Справа была равнина; налево пастбище тянулось по склону холма, где виднелись виноградники, орешник, мельница вся в зелени, а дальше тропинки зигзагами вились по белой скале, уходившей в небо. Какое счастье подниматься рядом с нею на холм, обняв ее за талию, меж тем как платье ее будет задевать пожелтевшие листья, — и слушать ее голос, видеть сияние ее глаз! Пароход мог бы остановиться, им стоило лишь сойти на берег; но все то, что казалось так просто, было не легче,

чем повернуть солнце!

Немного дальше открылся замок с остроконечной крышей, с четырехугольными башенками. Перед его фасадом расстилались цветники, а липовые аллеи уходили вглубь парка, смыкаясь высокими темными сводами. Он представил себе, что она гуляет вдоль живой изгороди. В эту минуту на крыльцо, где стояли кадки с померанцевыми деревьями, вышли дама и молодой человек. Потом все скрылось.

Подле него играла девочка. Фредерик хотел ее поцеловать. Она спряталась за няниной спиной; мать пожурила ее за то, что она нелюбезна с господином, который спас шаль. Не приглашение ли это вступить в беседу?

«Быть может, теперь она заговорит со мной?» — спрашивал он себя.

Времени оставалось мало. Как добиться приглашения к Арну? И Фредерик не придумал ничего лучшего, как обратить его внимание на осенние тона пейзажа, и прибавил:

— Недалеко уже и зима, время балов и обедов!

Но Арну всецело был поглощен своим багажом. Показался сюрвильский берег, приближались мосты; вот миновали канатный завод, ряд низких домов; на берегу стояли котлы с дегтем, разбросаны были щепки, а на песке вертелись колесом мальчишки. Фредерик узнал человека в куртке и закричал ему:

— Поскорей!

Причалили. Он с трудом отыскал Арну в толпе пассажиров, и тот, пожимая ему руку, сказал:

— Всех благ, дражайший.

Выйдя на набережную, Фредерик оглянулся. Она стояла около руля. Он обратил к ней взгляд, в который хотел вложить всю свою душу: она не пошевелинулась, как будто ничего не произошло. Не отвечая на приветствие слуги, Фредерик прикрикнул на него:

— Почему ты не подъехал ближе?

Слуга стал извиняться.

— Какой бестолковый! Дай мне денег!

И Фредерик отправился в харчевню поесть. Четверть часа спустя ему захотелось как бы невзначай зайти на почтовый двор. Не увидит ли он ее еще раз?

«К чему?» — спросил он себя.

И, сев в американку, поехал. Не обе лошади принадлежали его матери. Вторую она попросила у г-на Шамбриона, сборщика податей. Исидор, выехавший накануне, до вечера отдыхал в Брэ, а ночевал в Монтеро, так что лошади, передохнув, теперь бежали резво.

Без конца тянулись жнивья. Дорогу окаймляли два ряда деревьев, мелькали одна за другой кучи булыжника, и мало-помалу Фредерику вспомнилось все путешествие — Вильнев — Сен-Жорж, Аблон, Шатийон, Корбей и другие места, — вспомнилось так ярко, что теперь он различил новые подробности, более тонкие черты. Из-под нижней оборки ее платья выступала ножка в узком шелковом башмачке коричневого цвета; тиковый тент поднимался над ее головой, как широкий балдахин, и красные кисточки его бахромы все время трепетали от ветра.

Она была похожа на женщин из книг романтиков. Он ничего бы не прибавил к ее облику, ничего бы не убавил в нем. Мир внезапно расширился. Она была той лучезарной точкой, в которой сосредоточивался смысл бытия, и, убаюканный движением экипажа, он устремил взгляд к облакам, полузакрыв веки и весь отдался радости мечтательной и беспредельной.

В Брэ он не стал ждать, пока лошадям зададут овса, и один пошел вперед по дороге. Арну звал ее «Мария». Он крикнул громко: «Мария!» Голос его замер в воздухе.

Небо на западе пылало широким пурпурным пламенем. Большие скирды ржи, подымавшиеся среди

сжатых полей, отбрасывали огромные тени. Вдали, где-то на ферме, залаяла собака. Он вздрогнул, охваченный необъяснимым волнением.

Когда Исидор догнал его, он сел на козлы, чтобы править самому. Неуверенность миновала. Он твердо решил во что бы то ни стало войти в дом супругов Арну и ближе познакомиться с ними. У них должно быть весело, к тому же и сам Арну ему нравился; а там — как знать? Лицо у него зарделось, в висках стучало, он щелкнул бичом, дернул вожжи, и лошади так понесли, что старый кучер то и дело повторял:

— Потише! Да потише! Вы их загоните.

Фредерик понемногу успокоился и стал слушать, что рассказывал слуга.

Молодого хозяина ждут с нетерпением. Мадемуазель Луиза даже плакала — так ей хотелось поехать ему навстречу.

— Какая мадемуазель Луиза?

— Да дочка господина Рокка!

— Ах, я и забыл! — небрежно ответил Фредерик.

Между тем лошади выбились из сил. Обе они хромали, и на башне Св. Лаврентия пробило уже девять, когда Фредерик прибыл на Оружейную площадь, где стоял дом его матери. Этот просторный дом с садом, выходившим в поле, придавал еще больше веса г-же Моро, самой уважаемой особе во всей округе.

Она происходила из старинного дворянского рода, теперь угасшего. Муж ее, плебей, за которого выдали ее родители, погиб на дуэли, когда она была беременна, и оставил ей расстроенное состояние. Она принимала у себя три раза в неделю и время от времени давала прекрасные званые обеды. Но каждая свеча заранее была на счету, а арендная плата ожидалась с нетерпением. Эта ограниченность средств, которую она скрывала как порок, была причиной ее постоянной озабоченности. Но добродетель проявлялась у нее без

ханжества, без озлобления. Малейшая ее милостыня казалась величайшим благодеянием. С ней советовались о выборе прислуги, о воспитании молодых девиц, о том, как варить варенье, и его преосвященство, когда объезжал епархию, останавливался у нее.

Госпожа Моро питала в отношении своего сына честолюбивые надежды. Она, как бы заранее принимая меры предосторожности, не любила, когда при ней порицали правительство. В первое время Фредерику необходима будет протекция; потом благодаря своим способностям он станет советником, посланником, министром. Его успехи в Санском коллеже давали основание для ее гордости: он получил первую награду.

Когда он вошел в гостиную, все с шумом поднялись, его стали обнимать; потом расставили стулья и кресла широким полукругом у камина. Г-н Гамблен тотчас же спросил его, как он смотрит на дело г-жи Лафорж. Этот нашумевший процесс сразу же вызвал горячий спор; правда, г-жа Моро, к сожалению г-на Гамблена, прекратила его; гость же видел в нем пользу для молодого человека — будущего юриста — и с обидой покинул гостиную.

Впрочем, чему тут было удивляться, раз это приятель дядюшки Рокка? В связи с дядюшкой Рокком речь зашла и о г-не Дамбрёзе, который только что приобрел поместье Ла Фортель. Но Фредерика уже отвел в сторону сборщик податей, интересуясь его мнением о последнем труде г-на Гизо. Все желали узнать, каковы дела Фредерика, и г-жа Бенуа ловко приступила к расспросам, справившись о здоровье дядюшки. Как поживает этот милый родственник? О нем что-то ничего не слышно. Ведь у него есть в Америке троюродный брат?

Кухарка доложила, что г-ну Фредерику подано кушать. Гости из скромности удалились. А когда мать и сын остались одни, она вполголоса спросила:

— Ну что?

Старик принял его очень сердечно, но своих намерений не открывал.

Госпожа Моро вздохнула.

«Где-то она сейчас? — думал он. — Дилижанс катит, и, наверно, закутавшись в шаль, она дремлет, прислонясь прелестной головкой к суконной обивке кареты».

Когда они уже поднимались в свои спальни, мальчик из гостиницы «Созвездие лебеда» принес записку.

— Что такое?

— Делорье просит меня выйти к нему, — ответил Фредерик.

— А! Твой товарищ! — с презрением усмехнулась г-жа Моро. — Нашел время, право!

Фредерик был в нерешительности. Но дружба пересилила. Он взялся за шляпу.

— По крайней мере, не уходи надолго, — сказала ему мать.

II

Отец Шарля Делорье, бывший пехотный капитан, выйдя в отставку в 1818 году, возвратился в Ножан, женился, а на деньги, составлявшие приданое, купил должность судебного пристава, которая еле-еле давала ему средства к существованию. Озлобленный долгой цепью несправедливостей, страдая от старых ран и не переставая жалеть об Императоре, он изливал на окружающих душивший его гнев. Не многих детей колотили так часто, как его сына. Несмотря на побои, мальчуган упорствовал. Если мать пыталась за него заступиться, отец обходился с нею так же грубо, как и с сыном. Наконец капитан засадил его в свою контору, и мальчик целыми днями должен был, согнувшись, переписывать дела, отчего правое плечо у него стало

заметно выдаваться.

В 1833 году, по предложению председателя суда, капитан продал контору. Жена его умерла от рака. Он переехал в Дижон; потом, устроившись в Труа, занялся поставкой рекрутов и, добившись для Шарля половинной стипендии, отдал его в Санский коллеж, где с ним и встретился Фредерик. Но одному было двенадцать лет, другому пятнадцать; к тому же характер и происхождение отделяли их друг от друга множеством преград.

В комодке у Фредерика водилась всякая снедь, были редкостные вещицы — туалетный прибор, например. Он любил долго спать по утрам, наблюдать полет ласточек, читать драматические пьесы и, жалея о приятностях домашнего существования, находил жизнь в коллеже тяжелой.

Сыну судебного пристава она, наоборот, казалась привольной. Он учился так хорошо, что к концу второго года перешел в третий класс. Однако — вследствие ли бедности или сварливого нрава — он был окружен глухим недоброжелательством. Но вот однажды случилось, что, когда на дворе перед целой ватагой учеников средних классов служитель обозвал его оборвышем, мальчик схватил его за горло и убил бы, если бы не подоспели три надзирателя. Фредерик в порыве восхищения бросился обнимать его. С того дня и началась у них дружба. Привязанность старшего, несомненно, льстила тщеславию малыша, а старший был счастлив встретить такую преданность.

На время каникул отец не брал его из коллежа. Перевод Платона, случайно попавшийся Шарлю, привел его в восхищение. Он увлекся метафизикой и быстро сделал большие успехи, ибо за изучение ее он взялся полный юной силы, с гордостью пробуждающегося сознания; Жуффруа, Кузен, Ларомигьер, Мальбранш, шотландцы — все, что имелось в библиотеке, было

прочитано. Ему пришлось украсть ключ, чтобы добывать книги...

Развлечения Фредерика были менее серьезного свойства. На улице Трех Волхвов он срисовал родословную Христа, вырезанную на одной из колонн, потом изобразил портал собора. После средневековых драм он взялся за мемуары Фруассара, Комина, Пьера де Летуаля, Брантома. Образы, которые это чтение вызывало в его уме, так его захватили, что он чувствовал потребность их воспроизвести. Он лелеял гордую надежду стать со временем французским Вальтером Скоттом. А Делорье обдумывал обширную философскую систему, которая могла бы иметь самое широкое применение.

Они разговаривали обо всем этом на переменах, во дворе, перед нравоучительной надписью под часами; они перешептывались в капелле под самым носом у Людовика Святого; они мечтали о том же и в дортуаре, окна которого выходили на кладбище. В дни, когда бывала прогулка, они становились в последней паре и болтали без умолку.

Они говорили о том, что будут делать, когда окончат коллеж. Прежде всего они предпримут большое путешествие — на те деньги, что Фредерик, достигнув совершеннолетия, получит со своего капитала. Потом они возвратятся в Париж, станут вместе работать, никогда не разлучаясь, а от своих трудов будут отдыхать, наслаждаясь любовью принцесс в атласных будуарах или тешась шумными оргиями со знаменитыми куртизанками. Взлеты надежды сменялись сомнениями. После приступов веселой болтливости наступало глубокое молчание.

Летними вечерами они долго бродили по каменистым дорожкам вдоль виноградников или по большой дороге между полей, где, освещенные заходящим солнцем, колыхались колосья и веял запах дягиля; когда им

становилось душно, они бросались на землю, ложились на спину, одурманенные, опьяненные. Их товарищи в одних жилетах бегали вперегонки или пускали воздушных змеев. Надзиратель их сзывал. Домой возвращались вдоль садов, пересеченных ручейками, потом шли бульварами в тени старых стен; шаги гулко отдавались среди пустынных улиц; открывалась калитка, все поднимались по лестнице, и ими овладевала тоска, как после бурного кутежа.

Господин инспектор утверждал, что они только будоражат друг друга. Однако если в старших классах Фредерик проявлял хоть какое-то усердие, то лишь благодаря увещаниям товарища; а на каникулы в 1837 году он повез Делорье к своей матери.

Молодой человек не понравился г-же Моро. Ел он необычайно много, отказывался ходить по воскресеньям в церковь, рассуждал в республиканском духе, наконец до нее дошел слух, что он водил ее сына в непотребные места. За ними стали следить. От этого мальчики еще больше прежнего привязались друг к другу, и когда на следующий год Делорье покинул коллеж и уехал в Париж изучать право, расставание было мучительным.

Фредерик рассчитывал там встретиться с ним. Они не виделись уже два года; когда они кончили обниматься, то пошли к мостам, чтобы как следует наговориться.

Сын у отца потребовал отчета по опеке, и капитан — он содержал теперь бильярдный зал в Вильноксе — пришел в ярость и наотрез отказал ему в поддержке. Мечтая в будущем получить по конкурсу профессорскую кафедру, а сейчас вовсе не имея денег, Делорье поступил старшим клерком к адвокату в Труа. Он намеревался ценою всяческих лишений скопить четыре тысячи франков, и если ему даже ничего не достанется из материнского наследства, все же у него будут средства, чтобы спокойно заниматься в течение трех лет, в ожидании места. Значит, надо было

отказаться, по крайней мере сейчас, от их давнего плана — вместе поселиться в столице.

Фредерик поник головой. Вот и рушилась первая его мечта.

— Утешься, — сказал сын капитана, — жить нам еще долго, мы молоды. Я к тебе приеду! Брось об этом думать!

Он потряс друга за руки и, чтобы отвлечь его от мрачных мыслей, начал расспрашивать о путешествии.

Фредерик мало что мог рассказать. Но при воспоминании о г-же Арну его печаль рассеялась. Он не стал говорить о ней — его удерживала стыдливость. Зато он распространялся об Арну: что тот говорил, какие у него манеры, какие связи; и Делорье настойчиво советовал ему поддерживать это знакомство.

Фредерик последнее время ничего не писал; его литературные взгляды изменились; он выше всего ставил страсть: Вертер, Рене, Франк, Лара, Лелия и другие, менее замечательные персонажи восхищали его почти в равной мере. А порою ему казалось, что только музыка способна выразить его глубокое волнение; тогда он грезил симфониями; порою же его увлекал внешний облик предметов, и тогда ему хотелось быть живописцем. Впрочем, он сочинял и стихи; Делорье очень одобрил их, но не просил почитать еще.

Сам же он забросил метафизику. Теперь его занимали социальная экономия и французская революция. Он был высокий малый двадцати двух лет, худой, с большим ртом, решительный на вид. В тот вечер на нем было скверное люстриновое пальто, а башмаки его побелели от пыли, так как он пешком проделал весь путь от Вильнокса, только чтобы повидать Фредерика.

К ним навстречу шел Исидор. Г-жа Моро просит г-на Фредерика вернуться, она боится, как бы он не озяб, и посылает ему плащ.

— Да не торопись! — сказал Делорье.

И они продолжали ходить из конца в конец по обоим мостам, что ведут на остров, образуемый каналом и рекою.

Когда они поворачивали в сторону Ножана, прямо перед ними появлялись дома, спускающиеся по склону; направо, из-за лесопилен с закрытыми шлюзами, выступала церковь, налево же, окаймленные изгородью из кустарника, тянулись вдоль берега сады, которые лишь с трудом удавалось различить. А по направлению к Парижу дорога спускалась совершенно прямо, и луга уходили в даль, окутанную ночью мглой. Ночь была безмолвная, пронизанная беловатым сиянием. До них доходил запах влажной листвы. От запруженной реки, шагах в ста отсюда, доносился сильный и мягкий шум, похожий на звук прибоя в темноте.

Делорье остановился и сказал:

— Добрые люди мирно спят — вот забавно! Но терпение! Готовится новый восемьдесят девятый год. Мы устали от конституций, хартий, хитростей, всякой лжи. О, если бы у меня была своя газета или кафедра, как бы я все это тряхнул! Но чтобы что-то предпринять, нужны деньги. Вот проклятье — быть сыном кабатчика и растрачивать молодость в погоне за куском хлеба!

Он опустил голову и закусил губы, дрожа от холода в своем легком пальто.

Фредерик накинул ему на плечи половину своего плаща. Они закутались в него и, прижимаясь друг к другу, пошли рядом.

— Как же я буду жить там один, без тебя? — говорил Фредерик. Горечь друга вновь пробудила в нем тоску. — Я бы еще, пожалуй, сделал что-нибудь, будь со мной любящая женщина... Чему ты смеешься? Любовь — это пища и как бы атмосфера для таланта. Необычайные переживания порождают высокие творения. Но искать ту, которая мне нужна, — от этого я отказываюсь!

Впрочем, даже если я когда-нибудь ее и найду, она меня оттолкнет. Я принадлежу к отверженным, я угасну, владея сокровищем и не зная, был ли то алмаз или бриллиант.

Чья-то тень легла на мостовую, и тотчас же они услышали:

— Мое почтение, господа!

Слова эти произнес маленький человечек в широком коричневом сюртуке и в фуражке, из-под козырька которой торчал острый нос.

— Господин Рокк? — сказал Фредерик.

— Он самый! — ответил голос.

Житель Ножана объяснил свое появление тем, что ходил осматривать волчьи капканы, расставленные им у себя в саду, у реки.

— Так вы вернулись в наши края? Прекрасно! Я это узнал от дочки. В добром здравии, надеюсь? Еще не скоро уезжаете?

И он удалился, недовольный, вероятно, тем, как его встретил Фредерик.

Госпожа Моро и в самом деле не поддерживала с ним знакомства; дядюшка Рокк находился в незаконном сожителстве со своей служанкой и не пользовался уважением, хотя и был агентом по выборам и управляющим у г-на Дамбрёза.

— У банкира, что живет на улице Анжу? — спросил Делорье. — Знаешь, любезнейший, что ты должен был бы сделать?

Исидор во второй раз прервал их беседу. Ему велено непременно привести Фредерика. Г-жу Моро беспокоит его отсутствие.

— Хорошо, хорошо, сейчас, — сказал Делорье, — уж ночевать-то он придет домой. — И прибавил, когда слуга ушел: — Тебе надо бы попросить этого старика, чтоб он ввел тебя к Дамбрёзам; нет ничего полезнее, как бывать в богатом доме! Раз у тебя есть черный фрак и белые

перчатки — воспользуйся этим. Тебе следует бывать в таком обществе. Потом ты и меня туда введешь. Ведь это миллионер, подумай только! Постарайся понравиться ему, да и жене его тоже. Сделайся ее любовником!

Фредерик возмутился.

— Да ведь, кажется, я говорю тебе общеизвестные вещи? Вспомни хоть Растиньяка из «Человеческой комедии». Ты добьешься удачи, я уверен.

Фредерик питал такое доверие к Делорье, что даже растерялся, и, забывая о г-же Арну или мысленно применяя к ней то, что было сказано по поводу другой, не мог удержаться от улыбки.

Клерк прибавил:

— И последний мой совет: сдавай экзамены! Звание всегда пригодится. И брось ты своих католических и сатанических поэтов, которые в философии ушли не дальше, чем люди двенадцатого века. Твое отчаяние просто глупо. Самым великим людям еще труднее было начинать — тому же Мирабо хотя бы. Впрочем, расстанемся мы не на такой уж долгий срок. Мошенника-отца я заставлю вернуть мою долю. Но мне пора идти, прощай! Нет ли у тебя ста су? Мне надо заплатить за обед.

Фредерик дал ему десять франков, остаток от тех денег, что он утром взял у Исидора.

В двадцати туазах от мостов, на левом берегу, в слуховом окне низенького дома блестел огонек.

Делорье заметил его. Сняв шляпу, он торжественным тоном сказал:

— Венера, властительница небес, привет тебе! Но Нищета — мать Целомудрия. Чего о нас только не выдумывали по этому поводу, боже ты мой!

Намек на приключение, в котором участвовали они оба, их развеселил. Идя по улицам, они громко смеялись.

Потом, расплатившись в гостинице, Делорье проводил Фредерика до перекрестка у больницы, и друзья, после долгих объятий, расстались.

III

Прошло два месяца, и вот Фредерик, только утром приехавший в гостиницу на улице Цапли, первым делом решил отправиться с парадным визитом.

Случай ему благоприятствовал. Дядюшка Рокк принес ему сверток с бумагами и просил лично вручить их г-ну Дамбрёзу, а к свертку была приложена незапечатанная записка, в которой он рекомендовал своего молодого земляка.

Госпожу Моро это поручение как будто удивило. А Фредерик и виду не показал, как оно ему приятно.

Господин Дамбрёз был, собственно, графом д'Амбрёз, но с 1825 года, мало-помалу изменяя своему титулу и своему кругу, он обратился к промышленности, и вот, умея проведать обо всем, что творится в любой конторе, принимая участие в любом предприятии, подстерегая всякий благоприятный случай, он, хитрый, как грек, и трудолюбивый, как овернец, нажил, по слухам, значительное состояние; кроме того, он был кавалером Почетного легиона, членом генерального совета в департаменте Обы, депутатом и не сегодня завтра — пэром Франции; будучи человеком услужливым, он надоедал министру непрерывными просьбами о пособиях, орденах, табачных привилегиях, а когда бывал недоволен властью, склонялся в сторону левого центра. Его жена, хорошенькая г-жа Дамбрёз, имя которой встречалось в журналах мод, председательствовала в благотворительных обществах. Угождая герцогиням, она смягчала гнев аристократического предместья и давала повод думать,

будто г-н Дамбрёз еще может исправиться и быть полезным.

Молодой человек, собираясь к ним, волновался.

— Лучше было бы надеть фрак. Меня, наверно, пригласят на бал на следующей неделе. Что-то мне скажут?

Мысль о том, что г-н Дамбрёз всего-навсего буржуа, вернула ему прежнюю уверенность, и он смело выпрыгнул из кабриолета на тротуар улицы Анжу.

Толкнув одну половину ворот, он перешел двор, поднялся на ступеньки подъезда и вступил в вестибюль, где пол был выложен пестрым мрамором.

Двойная прямая лестница, устланная красным ковром с медными прутьями, подымалась вдоль высоких стен, отделанных под мрамор. Внизу ее стояло банановое дерево; его широкие листья касались бархата перил. С двух бронзовых канделябров свисали на цепочках фарфоровые шары; через открытые отдушины калорифера проникал тяжелый нагретый воздух; и слышно было только тиканье больших часов, стоявших на другом конце вестибюля под развешенным на стене оружием.

Раздался звонок; появился лакей и провел Фредерика в маленькую комнату, где было два несгораемых шкафа и полки, заваленные папками. Г-н Дамбрёз писал, сидя за полукруглым бюро посередине комнаты.

Он пробежал письмо дядюшки Рокка, вскрыл перочинным ножом холст, в который были зашиты бумаги, и стал просматривать их.

Тонкий и стройный, он издали мог бы сойти за человека еще молодого. Но его редкие седые волосы, хилое тело, а главное, необычайно бледное лицо говорили о расшатанном здоровье. В серо-зеленых глазах, холодных, как стекло, таилась неумолимая энергия. Скулы у него были широкие, суставы на пальцах узловатые.

Наконец он встал и задал молодому человеку несколько вопросов об общих знакомых, о Ножане, о его занятиях; потом легким поклоном дал понять, что не задерживает его. Фредерик вышел другим ходом и очутился в конце двора, около каретных сараев.

Перед подъездом стояла синяя двухместная карета, запряженная вороной лошастью. Дверцу открыли, в экипаж села дама, и он с глухим стуком покатил по песку.

Фредерик оказался у ворот, к которым подошел с другой стороны, в одно время с каретой. Проезд был недостаточно широк, и ему пришлось пропустить ее. Молодая женщина, высунувшись в окошко, тихо что-то сказала привратнику. Фредерик видел ее спину, покрытую фиолетовой накидкой. Но она исчезла внутри кареты, обитой голубым репсом с кистями и шелковой бахромой. Там все заполнял собою наряд дамы; из этой маленькой стеганой шкатулки веяло запахом ириса и как бы смутным благоуханием женской изысканности. Кучер отпустил поводья, лошадь рванула, задела за тумбу, и все скрылось.

Фредерик возвращался пешком по бульварам.

Он жалел, что не мог разглядеть г-жу Дамбрёз.

Уже миновав улицу Монмартр, он повернул голову, привлеченный скоплением экипажей, и на противоположной стороне, прямо против себя, прочитал надпись на мраморной доске:

ЖАК АРНУ

Как это он раньше не подумал о ней? Во всем виноват Делорье. И Фредерик подошел к лавке; однако не вошел; он ждал, не появится ли она.

В большие зеркальные окна были видны искусно размещенные статуэтки, рисунки, гравюры, каталоги, номера «Художественной промышленности», а условия подписки повторялись и на двери, украшенной

посредине инициалами издателя. Вдоль стен расставлены были большие картины, блестящие лаком, а в глубине находились две горки с фарфором, бронзой, соблазнительными и занятными вещицами; в промежутке между ними начиналась маленькая лестница с триповой портьерой наверху, у выхода на площадку; а люстра старинного саксонского фарфора, зеленый ковер на полу, стол с инкрустацией придавали всему заведению вид скорее гостиной, чем магазина.

Фредерик притворился, будто разглядывает рисунки. После бесконечных колебаний он вошел.

Приказчик откинул портьеру и сообщил, что хозяин не будет «в магазине» до пяти часов. Но если какое поручение, можно передать...

— Нет, я зайду еще, — скромно ответил Фредерик.

Следующие дни он занимался поисками квартиры; свой выбор он остановил на помещении в третьем этаже меблированных комнат на улице Святого Гиацинта.

С новеньким бюваром под мышкой он отправился на первую лекцию. Триста молодых людей без шляп наполняли аудиторию, устроенную амфитеатром, а старец в красной мантии излагал что-то монотонным голосом; по бумаге скрипели перья. Здесь был тот же запах пыли, что и в классах коллежа, стояла такая же кафедра, царила та же скука! Целых две недели Фредерик ходил сюда. Но не успели еще коснуться и третьей статьи, как он бросил Гражданский кодекс, а с институциями расстался на *Summa divisio personarum*¹.

Радости, на которые он надеялся, не приходили, и вот, исчерпав все запасы одной из библиотек, бегло осмотрев Лувр и несколько раз подряд побывав в театре, он впал в совершеннейшую праздность.

Тысячи мелочей, до сих пор неизвестных, усугубляли его тоску. Ему приходилось считать белье и терпеть присутствие привратника, невежи с повадками больничного служителя, от которого так и несло

алкоголем, когда он с бесконечной воркотней являлся по утрам, чтобы оправить постель. Да и самая комната, украшенная алебастровыми часами, не нравилась Фредерику. Стены были тонкие; он слышал, как студенты варят пунш, смеются, поют.

Устав от одиночества, он решил разыскать одного из своих прежних товарищей — Батиста Мартинона и нашел его в буржуазном пансионе на улице Сен-Жак, где тот у горящего камина зубрил судопроизводство.

Против него сидела женщина в ситцевом платье и штопала носки.

Мартинон был, что называется, красавец-мужчина: высокий, круглолицый, с правильными чертами лица и бледно-голубыми глазами навывкате; его отец, крупный землевладелец, предназначал сына для судейской карьеры, и Мартинон, уже теперь желая казаться солидным, отпустил окладистую бороду.

Так как уныние Фредерика не имело никакой серьезной причины, то его сетования на жизнь остались непонятны Мартинону. Сам он каждое утро посещал лекции, потом гулял в Люксембургском саду, вечером выпивал в кофейной полпорции кофе и, имея полторы тысячи франков в год, наслаждаясь любовью простой мастерицы, считал себя вполне счастливым.

«Что за счастье!» — мысленно воскликнул Фредерик.

В университете же он завел другое знакомство — с г-ном де Сизи, отпрыском знатного рода, приятностью манер напоминавшим девицу.

Господин де Сизи занимался рисованием, увлекался готикой. Несколько раз они вместе ходили любоваться Капеллой и собором Богоматери. Но изысканность молодого патриция скрывала ум самый убогий. Все поражало его; он долго смеялся малейшей шутке и выказывал наивность столь полную, что сперва Фредерик принимал его за шутника, а под конец увидел, что он глуп.